

Еврипид с катаной

Итак, Ума Турман таки убила Билла. Обстоятельства и детали этого отмщения настолько превзошли свою прелюдию по степени художественного воздействия, что надо честно признать: все дифирамбы, певшиеся первой части «Билла», были не трезвой оценкой, но авансом, выданным Квентину Тарантино влюбленной в него критикой. Общее мнение было таково: Квентин, умница и балагур, просто не мог напортачить, выпасть из киноконтекста и впасть в старческий формализм; наверняка ведь он припас напоследок что-нибудь эдакое, настоящее, от чего сухо сглотнут и выдавшие всякое киномамы, а молодую, ненасмотренную поросль и вовсе прошибет холодный пот. И Квентин действительно кое-что припас.

Во второй части Невеста-Турман, уже ловко порубавшая всех второстепенных врагов, идет убивать самых главных — того самого Билла, его родного брата Бадда (это он много лет назад схалтурил и вверх Невесту в кому, вместо того чтобы попросту убить ее) и новую пассию Билла одноглазую Элли Драйвер. Групповых сражений по причине малочисленности персонажей тут уже нет, их заменяют феерические, как всегда у Тарантино, беседы о любви, пути воина и за жизнь вообще. Это обилие «болтовни» дает некоторым зрителям повод упрекнуть фильм в однообразности и отсутствии экшна (примерно в этом же винули и «Джеки Браун»). Некоторые злопыхатели даже договариваются до того, что «Убить Билла-2» почти на всем своем протяжении напоминает киноопусы Энди Уорхола: мол, на этом фильме тоже успеваешь сделать больше, чем на любых других: можно поесть, выпить, покурить и покашлять, в сторону посмотреть, потом опять на экран — и не пропустить ничего важного.

Покурить, конечно, можно. Но при этом можно и не заметить самого главного. Кривляясь и подмигивая, заговаривая зубы байками о своей любви к китайским В-фильмам, Тарантино бросил зрителя не в веселый калейдоскоп бутафорской поножовщины и томатного гиньоля, а в самую что ни на есть классицистскую трагедию с отголосками античного фатума. А что до острых катан и пыльных ковбойских сапог — то

СЕРГЕЙ ЖЕГЛО

эти, казалось бы, не свойственные Федрам и Сидам атрибуты не должны смущать зрителя. Ибо духи Корнеля и Еврипида в XX веке обрели законное пристанище в двух соответствующих метажанрах — в японском самурайском кино и спагетти-вестерне (последний, кстати, отличался поистине удивительной всеядностью, цитатностью и густотой). Так, фильм «За пригоршню долларов» Серджи Леоне был мрачной ковбойской перелицовкой самурайского «Йоджимбо» Куросавы, который, будучи большим ценителем за океанской литературы, позаимствовал сюжет из нуара «Красный урожай» Дзешела Хэммета. А Хэммет, в свою очередь, попросту переименовал... «Слугу двух господ» Гольдони.

Следуя надрывной спагетти-традиции, Тарантино так сгущает краски, воздух, кровь и слова, что комедия первой части превращается в трагедию в кубе, а комиксные картонные силуэты персонажей каменеют в мраморные фигуры мифологических героев. Подгоняемые злым роком, разрываемые классическим самурайским конфликтом между кодексом воина и чувством, исколотые и изрубленные, ослепленные и похороненные заживо герои здесь страдают тройне. И такая гипертрофия экранных чувств более чем оправдана. В современном кинематографе, похоже, только вложения в жестокость — не в массовку и не в декорации! — могут заставить зрителя заинтересоваться судьбой героев.

■ Василий Корецкий